

АНАНЬЕВ (Шерман) Евгений Григорьевич

19 октября 1923 г. – 9 апреля 1992 г.

Родился в г. Ананьеве Одесской области. Детство прошло в Одессе. В 1935 году переехал с родителями в г. Свердловск. Окончил Горьковское училище зенитной артиллерии (1942). Участник Великой Отечественной войны, командир взвода, батареи, начальник разведки артполка. В боях за Варшаву был тяжело ранен и в 1944 году демобилизован.

Боевые награды: ордена Красной звезды (1944 и 1947), Отечественной войны I ст. (1985), медаль «За победу над Германией».

В 1945–1948 годах работал корреспондентом газеты «Труд», затем в газетах «Красный боец», «Красный Курган», «Тюменская правда», «Тюменский комсомолец». Экстерном окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (1947). Был членом КПСС с 1947 года. С 1983 по 1987 год возглавлял Тюменское отделение Союза писателей РСФСР.

Избирался членом ревизионной комиссии Союза писателей РСФСР. По сценариям Шермана-Ананьева снято тридцать три документальных фильма о Западной Сибири.

Печатался в таких популярных изданиях, как «Литературная Россия», «Литературная газета», «Наука и религия», «Октябрь», «Сибирские огни», «Сибирские просторы», «Смена», «Урал», «Уральский следопыт».

Автор нескольких книг очерков о первооткрывателях недр Западной Сибири, о коренных народах Севера: «Хозяева тундры» (Тюмень, 1953), «Остров нефтяных робинзонов» (Свердловск, 1961), «Под стальным парусом» (Тюмень, 1963), «Цвет тундры – голубой» (Свердловск, 1973).

Член Союза журналистов СССР (1957), Союза писателей СССР (1965).

Валерий ПОВОЛЯЕВ

ШТУЧНЫЙ ТОВАР

Женя, Женька... Женечка. Евгений Григорьевич Ананьев-Шерман. Кто из московских писателей не знал этого тюменского собрата? Нет таких!

До сих пор мне памятна небольшая квартира Евгения Григорьевича в доме напротив гостиницы «Восток», хотя я был там последний раз еще в советскую пору. Квартира та под самый потолок была заставлена книгами, среди которых было много редких, очень уважаемых букинистами изданий; между полками красовались разные тюменские поделки, северные сувениры и, скажем так, предметы технического промысла – например, целая коллекция буровых долот, начиная с древнего «РХ» – долота по прозвищу «рыбий хвост» и кончая новейшими шарошечными моделями. Многокилограммовые долота, с помощью которых удалось открыть и нефть тюменскую, и газ, занимали на книжных полках самые почетные места.

Каждого гостя, пришедшего в дом с ядреного тюменского мороза, Женя обязательно вел к себе на кухню, отпихнув ногой попавшегося по

пути таракана, промышлявшего на кухне в поисках чего-нибудь съестного – не хотелось, чтобы гость споткнулся об этого замешкавшегося ротозея величиной не меньше ботинка, и усаживал на почетное место под самодельные часы-ходики.

Циферблат часов был сработан из старой закопченной алюминиевой сковородки, на которой зубилом были начерчены риски циферблата, в специально выпиленную дырку внизу высывалась цепь с тяжестью «для хода» (необязательно, чтобы это была часовая гиря, ее могла заменить даже кружка с водой, медной проволокой привязанная к двум последним звеньям цепи); время Женины часы показывали так же идеально, как и кремлевские куранты. Более точных часов в Тюменской области не было, поскольку механизм в них стоял самый наилучший, я так полагаю, японский.

Всякого гостя Женя Шерман обязательно угощал напитком собственного производства под названием «Шерман-бренди», который мог избавить человека от любой хвори, начиная от насморка и воспаления гортани, кончая плоскостопием. Какие же ингредиенты входили в «Шерман-бренди»? Из чего состоял этот напиток?

Прежде всего из чистейшего медицинского спирта, немного разбавленного крутым огуречным рассолом, добытом в магазине прямо из бочки, заправленного хреном и чесноком. Некоторое время напиток настаивался, а потом выставлялся на стол. Крепость его, по-моему, зашкаливала за сто градусов. Вы скажете, такого не бывает, а я отвечу: «Бывает! Вопреки всем законам зельведческой науки бывает!» Это подтвердят все, кто хоть раз в жизни пробовал «Шерман-бренди».

Зато всякий больной человек, отведав этого бренди, очень быстро делался здоровым, и никакие больницы, поликлиники, лекарства и фельдшерские пункты ему уже не были нужны.

Литературное наследие после себя Евгений Ананьев оставил небольшое, гораздо большее составлял он сам лично как видная, очень колоритная фигура, представляющая среди людей писательский мир. Он был настоящим явлением... На севере не было человека, который не знал бы его, не спешил к нему с протянутой рукой, чтобы поздороваться.

А узнавали его все, в любой, даже крепко сбитой многолюдной толпе, сколько бы народа в ней ни насчитывалось, он был замечен.

Гораздо больше, чем книг, он оставил после себя телевизионных фильмов, всякое, даже малое нефтяное или газовое открытие происходило при его участии. Причем он мог находиться на «передовой линии» в самых разных ипостасях – быть и корреспондентом какой-нибудь газеты, радио, телевидения, мог иметь бумажку от Союза писателей, где предписывалось об оказании ему помощи в сборе материала для книги, но и не только – он мог оказаться в числе рабочих и в бригаде бурильщиков, и в бригаде стропальщиков либо вышкомонтажников, мог вообще натянуть на голову поварской колпак и варить для ребят супы и кашу, вместе с ними получать зарплату и вообще совсем не думать о том, что по деятельности своей он относится совсем к другому цеху – литературному, журналистскому, телевизионному. Его никогда не унижала запачканная рабочая спецовка, как, скажем, иных деятелей «высокого слова»; он знал, что происходит в Стране Тюмени изнутри. Точно так же хорошо ведал, что происходит и в писательском мире. Тоже изнутри. Это было для него очень важно – «видеть изнутри».

В разных писательских собраниях он обязательно принимал участие, мог остроумно выступить и процитировать какого-нибудь начинающего, но гордого стихотворца: «Лежу поэтом на диване я, надо мною Пушкина портрет». Или еще: «Как всякий прагматик, я не верю, что на одного Пушкина может быть две с половиной сотни равноценных пушкиноведов».

«Говорят, что всякий писатель творит в меру своего таланта... А если в меру своей бездарности?» А ведь верно, очень верно подмечено: если бездарного все-таки не очень много в человеке, то и литературные строчки получаются качественные, если же много, то увы... Некоторых писмэнников даже плохими не назовешь – не тянут.

«История только тому и учит, что ничему не учит».

«Я не червонец, чтобы всем нравиться без разбора».

«Этот человек пишет через левую ноздрю в правое ухо, чтобы самому ничего не понять».

«Мастер миллиметровых замыслов».

«Много фамилий – мало имен».

«Самая великая движущая сила – лень».

«Литераторы ныне – как коровы: кормят их веточками, размножают пипеточками».

И так далее.

Дружили мы с ним много лет. Он мог позвонить в любое время суток, поскольку с часовыми поясами часто вообще не считался и жил вне их. Помню, когда ему исполнилось шестьдесят лет, он позвонил в три часа ночи – в Тюмени было уже шесть утра – и грохочущим голосом проговорил:

– Я себе на юбилей стих сочинил, хочешь послушать?

Глаза я еще не разлепил, но послушать юбилейный стих было бы неплохо, и я пробормотал поощряюще:

– Хочу.

– «Волосы выцвели, яйца висят, Шерману Женьке уже шестьдесят».

Он захохотал гулко, отсмеявшись, спросил:

– Ну каково?

– Хорошо, но только почему-то не очень жизнеутверждающе.

Он захохотал еще громче. Я, проснувшись окончательно, тоже захохотал.

Хорошо помню конец девяностых годов, мутные волны, в которых плавали творческие союзы, чьи штаб-квартиры располагались в Москве, унижительное горбачевское западничество. Разброд среди писателей был особенно сильным, образовывались новые союзы, объединения, ассоциации, кружки, клубы, федерации, гильдии, общества и сообщества, профессиональные блоки и т.д. Как-то мы не поленились, взяли да посчитали, сколько этих новообразований возникло среди пишущего люда. Результат заставил схватиться за голову: 23. Драки за портфели случались каждый день, всем хотелось стать начальником. В воздухе летали клочья выдранных волос и лохмотья одежды.

Портфелей не хватило, начальниками стали не все, и могучая советская литература начала потихоньку тонуть. Сейчас от нее остались, на мой взгляд, лишь небольшие островки.

Что такое война, Ананьев знал очень хорошо: он прошел Великую Отечественную, имел боевые ордена. Войну закончил майором, был артиллерийским разведчиком – есть такая военная профессия. Вначале

над драками за портфели он смеялся, а потом неожиданно загрустил, и я понял – хочет примкнуть к какому-нибудь кружку либерального толка, коллекционирующему пивные пробки и поглядывающему за забор, отделяющему наш мир от мира, скажем так, не нашего.

Я спросил его в упор:

– Жень, зачем тебе нужны демократические попутчики, которым все равно где жить, в России или в Мексике, и все равно на каком митинге горланить, в Переделкино или на Брайтон-Бич?

Мой друг сделался грустным, даже знаменитая борода его, состоявшая на семьдесят процентов из проволоки и лишь на тридцать из шерсти (об этом шли споры у серьезных людей, приближенных к научному миру), обвисла обиженно, будто ее сварили в супе, вздохнул обиженно:

– Меня ныне называют русскоязычным писателем – неполноценным каким-то... Почему, за что? А ведь когда я уходил на фронт, меня считали не русскоязычным, а советским, русским.

Так из нашего разговора ничего и не получилось. Разошлись мы, недовольные друг другом. Вскоре его не стало, и мир заметно опустел, пустота в нем образовалась: такие приметные, самобытные люди, как Евгений Ананьев-Шерман, рождаются нечасто, это штучный товар. Я очень часто вспоминаю его и невольно ощущаю горечь: слишком рано он ушел...